

Т.Л. Александрова

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры древних языков и древнехристианской
письменности Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
(Москва)*

Т.В. Суздальцева

*Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина
(Москва)*

ТРАДИЦИИ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО ВО ВЗГЛЯДАХ МИТРОПОЛИТА ВОЛОКОЛАМСКОГО И ЮРЬЕВСКОГО ПИТИРИМА

«Когда меня постригали в монашество в Лавре, — вспоминал Владыка, — у мощей преподобного Сергия стоял старый монах, который вскоре умер. И только когда я был назначен епископом Волоколамским, кто-то вспомнил, что он был из Иосифо-Волоцкого монастыря». Со свойственным ему умением видеть особые «знаки Божия благоволения» в событиях обычных, на первый взгляд незаметных, Владыка усмотрел в этом совпадении некое прообразование своего дальнейшего архиерейского пути.

Титул Волоколамского епископа для Владыки не был простой формальностью, необходимой принадлежностью викарного архиерея. Он пробыл на одной кафедре все 40 лет своего архиерейского служения — редкий случай в наши дни, и ощущал весь этот край как вверенный себе. Прекрасно знал его историю — от глубокой древности до наших дней. И преподобный Иосиф Волоцкий был для него не просто «одним из преподобных», не просто святым, особо почитаемым в данной местности. Владыка видел себя наследником того духовного пути, преемником тех традиций, которые восходят к преподобному Иосифу и его ближайшим сподвижникам, а потому и сам в своей деятельности был проникнут духом «иосифлянства», но не в том сниженном и тенденциозном смысле, в каком оно трактуется последние полтора столетия.

Если проанализировать начинания Владыки, которые он старался привить в Волоколамском благочинии, а затем и в возрождаемой им обители, то для большинства из них, даже тех, которые казались внешнему взгляду «модернистскими», найдутся прообразы в начинаниях преподобного Иосифа.

В духовном наследии Преподобного Владыка видел три основных направления. Прежде всего, духовный подвиг. Эта сторона всегда скрыта от мира и не является предметом научного анализа. Но Владыка подчеркивал, что в этом аспекте «иосифлянство» ничем не отличается от «нестяжательства» и что практика молитвы едина — и для пустытника, одиноко живущего в глуши лесов, и для насельника большого общежительного монастыря. Поэтому и

так называемую полемику между «иосифлянами» и «нестяжателями» трактовал как чисто богословскую, ориентированную на синтез, а не на противостояние двух традиций.

Второе, тоже главное, как подчеркивал Владыка, направление — это высокая культура, постоянное духовное самообразование и просветительская деятельность. В этой связи он неоднократно обращал внимание на огромное значение как собственной монастырской библиотеки, которая начала складываться еще при Преподобном, так и книжного творчества постриженников Волоцкой обители. Возглавляя в течение тридцати с лишним лет Издательский отдел Московской Патриархии, Владыка именно преподобного Иосифа считал покровителем церковно-просветительской деятельности и именно ему посвятил домовый храм Издательского отдела. В ежегоднике «Богословские труды», где Владыка долгие годы был главным редактором, издавались произведения, так или иначе связанные с иосифлянским направлением. Именно на страницах этого издания был опубликован Волоколамский патерик¹ — впервые после малотиражных изданий 1914 и 1915 годов, ставших уже к тому времени недоступными для большинства читателей. Издание было предварено предисловием самого Владыки. Вместе с Патериком были изданы и жития двух сподвижников преподобного Иосифа — Кассиана Босого и Фотия.

Создание при Иосифо-Волоцком монастыре Музея Библии, вызванное определенными внешними проблемами, все же не было случайным актом — серьезная текстология славянской Библии была для Владыки одним из насущнейших вопросов отечественного богословия, что опять-таки восходит к традиции, теснейшим образом связанной с кругом преподобного Иосифа Волоцкого. Не случайно изображение составителя первого полного русского свода Библейских книг, святителя Геннадия Новгородского, сомолитвенника преподобного Иосифа, находится на одном из столпов Успенского собора обители. По благословению Владыки и при его непосредственном участии было создано Волоколамское краеведческое общество, призванное возрождать интерес к истории родного края и распространять исторические знания.

Владыка всегда живо интересовался светской научной литературой, посвященной эпохе преподобного Иосифа Волоцкого и его роли в истории Русской Церкви и Русского государства. Со многими выводами светских ученых он был в корне не согласен, но всегда серьезно относился к приведенным в их трудах фактам и документам. В его планы входило научное издание полного собрания сочинений преподобного Иосифа с подробными комментариями и параллельным переводом, однако этим планам осуществиться не удалось. Тем не менее по его благословению и под его руководством была издана книга «Древнерусские иноческие уставы», включающая устав преподобного Иосифа. Им было высоко оценено издание «Слова к иконописцу» с переводом иеродиакона Романа (Тамберга). Глубокое изучение истории Руси и Русской Церкви, основы которого были заложены в Иосифо-Волоцком монастыре при его основателе и первом преемнике, будущем митрополите Данииле, также было для Владыки весьма важным направлением культурно-просветительской деятельности.

Владыка всегда подчеркивал важность для духовного воспитания человека эстетической составляющей Православия, считал, что красота сама по себе оказывает мощное воздействие на человека. То, что архитектурный ансамбль Иосифо-Волоцкого монастыря — один из красивейших в России, он считал логическим следствием взглядов преподобного Иосифа. Хотя ансамбль, дошедший до наших дней, сформировался лишь в конце XVII в., есть основания полагать, что основы эстетики обители были заложены самим Преподобным. Не случайно первый храм был распisan артелью Дионисия, среди учеников которого были и племянники преподобного Иосифа. Владыка считал, что Преподобный духовно направлял Дионисия, руководил его творчеством.

Известно, что святой основатель обители обладал превосходными певческими данными. Этот момент Владыка тоже любил подчеркивать, так как вообще считал, что «музыка — родная сестра религии». Совсем не случайны и духовно оправданны и те музыкальные фестива-

ли с приглашением исполнителей классической музыки, которые Владыка пытался привить в монастыре. Современного человека возвышают в духовном отношении не только размеренные монастырские напевы, но и классическая музыка, которая людям прошлого казалась «страстной». Язык страстей тоже меняется с веками: то, что считалось развлекательным, популярным в XVII—XVIII вв., в наши дни уже глубокая архаика, которая будит не страсти, а просто человеческие чувства. И насельники современных монастырей, по большей части только что вышедшие из мира и еще не переплавившие в себе наследие мира, не должны с выскомерным пренебрежением относиться к светской культуре. Таков был взгляд Владыки.

Третьим направлением, завещанным преподобным Иосифом, Владыка считал социальное служение. «Парадокс монашества состоит в том, — говорил он, — что монах бежит от мира, а мир следует за ним». В Древней Руси подвижник бежал в непроходимые леса. Вскоре к нему приходили ученики, затем вокруг них начинали селиться миряне, и возникало поселение. Во взглядах преподобного Иосифа Владыка находил дальновидное решение вечного вопроса, как совместить личный молитвенный подвиг со служением миру. В житии Преподобного Владыка всегда обращал внимание на то, что тот много лет ухаживал за своим больным отцом, с которым жил в одной келье. Он говорил, что этот факт представляет преподобного Иосифа, которого обычно изображают суровым аскетом, далеким от мирских забот, в совершенно ином свете, свидетельствуя о его глубокой человечности. Эту *человечность*, открытость монашествующих нуждам и скорбям окружающих мирян Владыка считал залогом нормального сосуществования монастыря и мира в современных условиях.

В беседах с насельниками Владыка прямо говорил, что им придется жить не в тиши обители, удаленной от суетной повседневности, а на грани между монастырем и миром. Далеко не все насельники это выдерживали, и не все понимали саму постановку вопроса. Не всегда откликнулся и мир. Владыка очень сокрушался, что мода на атеизм докатилась и до деревни и что современной деревне вера как будто и не нужна. Но оптимизма не терял.

Он мечтал о том, чтобы монастырь стал своего рода ядром возрождения русской деревни. Хотя в современных условиях Иосифо-Волоцкий монастырь не мог позволить себе, как во времена своего преподобного основателя, кормить сотни людей, Владыка считал, что для современной деревни существенным вспомоществованием является и то, что в монастыре находятся рабочие места для окрестных жителей. Он был убежден, что способ ведения монастырского хозяйства должен быть образцом для окрестного населения — в смысле внедрения новых технологий, перспективных сельскохозяйственных культур. Так, он очень хотел возродить культуру льна, которой когда-то славился Волоколамский край.

Очень важным считал он и обычай кормить приехавших в монастырь паломников. Хотя в наши дни это кормление носит в значительной мере символический характер, оно располагает людей к монастырским насельникам. Сам чин монастырской трапезы, с молитвой и духовным назиданием, умиротворяюще воздействует на человеческие души. В дни больших праздников, когда полноценное кормление в трапезной всех паломников становилось технически невозможным, Владыка благословлял раздавать каждому хотя бы по стакану киселя и куску хлеба, но так, чтобы хватало всем без исключения и чтобы не было дискриминации, разделения на «своих» и «чужих» прихожан. Для паломников, приехавших своим ходом издалека, такое кормление оказывалось очень существенной поддержкой. Уже незадолго до своей кончины, узнав о существовавшем при Преподобном обычае раздавать пришедшим не только пищу, но и по копейке денег каждому, Владыка благословил возобновить и этот, в наши дни исключительно символический (считая покупательную способность копейки), но очень значимый обычай. Четкой грани между тремя названными направлениями, разумеется, не провести. Так, просветительская деятельность неизбежно смыкается с социальной, социальная — с чисто духовной. Трудно однозначно квалифицировать те роды деятельности, которым Владыка придавал важное значение: например, помощь местной школе, которую он считал ровесницей монастыря, так как первое училище для детей в этих краях было основа-

но именно преподобным Иосифом. Когда 520-летие монастыря совпало с 10-летием переезда школы в новое здание, объединяя два эти юбилея в один, Владыка говорил, что теряевской школе не 10 лет, а 520. Воспитательская деятельность Владыки не ограничивалась контактами с местной школой и организованной им помощью Волоколамскому детскому дому. Монастырь регулярно принимал студенческие отряды, возрождая традицию стройотрядов советского времени. Студентам не навязывался уклад монастырской жизни, и не предписывалось никаких особых правил благочестия, более строгих, чем обычные правила человеческого общежития. Им просто давалась возможность побыть «на берегу Божьей реки» и, может быть, задуматься о смысле своего существования.

Владыка символически переосмыслил и издавна привившуюся на Руси функцию монастыря — быть крепостью, прибежищем для окрестного населения во время нашествия врагов. Мощные стены Иосифо-Волоцкого монастыря сразу напоминают о неразрывности истории духовной и военной. Воинскую историю Волоколамской земли Владыка изучал и чтит с тем же благоговением, что и историю самого монастыря. Посещение мемориала на разъезде Дубосеково включалось им в программу всех экскурсий, которые совершались с его благословения. Его заботила не только военная история, но и судьба современной армии. С началом чеченской войны монастырь, как любил повторять Владыка, «встал на вахту» чтения неусыпаемой Псалтири. Связи Владыки с армией широко известны, но далеко не все знают, что и эту сторону своей деятельности он возводил к традиции преподобного Иосифа, не столько духовной, сколько семейной, поскольку охрана западных рубежей Московского государства была поручена московским князем, в частности, и его предкам. Церковь в мистическом понимании этого слова, Владыка, разумеется, видел как явление «не от мира сего», где «нет ни эллина, ни иудея», но церковь как институт всегда тесно связывал с национальной традицией и национальной культурой. В величии Церкви и величии Государства он видел залог величия народа. Потому и защиту земного Отечества он воспринимал как священный долг, а тех, кто этот долг выполняет, считал достойными всяческого уважения и молитвенного попечения. Владыка с горькой иронией смотрел на трактовку «иосифлянкой» школы как «лагеря воинствующих церковников и стяжателей», тогда как образ «Церкви Воинствующей», т.е. защищающей свои духовные ценности, был ему близок и понятен. Восприятие преподобного Иосифа не просто как блестящего богослова-полемиста, но как яростного спорщика, беспощадного к врагам, он считал преувеличенным и тенденциозным. Название 10 главы Иосифова Устава — «Отвещание любозазорным и сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже во Рустей земли сущих» — распространялось Владыкой не только на церковную, но и на государственную русскую историю. Вся его деятельность в духе преподобного Иосифа, небесного покровителя вверенного ему Волоколамского края, была в значительной мере «Отвещанием любозазорным» — в защиту традиций русской святости, русской культуры, русского героического прошлого.

Примечания

¹ Богословские труды. М., 1973. № 10.